

# ТАТЬЯНА СОБЕЩАНСКАЯ

\* \* \*

Я каждый раз переставляю стрелки,  
Когда вхожу в отцовский старый дом,  
Где глаз чужой не видит переделки,  
Как рыба — небо под январским льдом.  
Скрипят полы натруженно, как раньше,  
Но нет сверчка, что часто песни пел.  
Здесь время спит, а бодрствует шарманщик  
Из детской книжки.  
О, как много дел  
Меня зовут —  
Повесить занавески,  
Открыть окно в зелёную метель,  
Сходить к соседке — ей общаться не с кем  
С тех пор, как дочь уехала в Марсель.  
Судить не мне.  
Ведь я сама такая,  
Хоть город мой поближе.  
Суть не в том.  
Давно отбилась я от общей стаи.  
Мне здесь, в деревне,  
Дорог только дом.  
Конечно, — плохо, больно и досадно.  
Но, видно, так судьбою решено...  
А на крыльце сидит птенец нескладный.  
Чего он просит —  
Муху иль зерно?

\* \* \*

Расслабиться и долго-долго спать  
В тени дубрав, дышащих сладкой негой,  
Проснуться и, направив годы вспять,  
Младенцем ощутить себя, побегом,  
Который лишь подрёмывает всласть  
В тепле живородящей колыбели,  
Не знает ни тревог, ни — где упасть,  
Соломки подстелив, и еле-еле  
Проклюнувшись, увидит милый дом,  
Весну-красну, а позже — встретит лето  
И осень в одеянье золотом.  
Она пока с улыбкой бродит где-то —  
В краях, что так богаты и добры  
Ко всем пришедшим — бодрым и усталым,  
Где каждому достанутся дары:  
Картошка, хлеб, вино и даже сало...

.....  
Как сладко верить в то, что мир живёт  
По старым, ненаписанным законам:  
У каждого — падение и взлёт,  
Для каждого — своя, родная, крона.

*г. Мытищи  
Московской обл.*

## **СЕРГЕЙ ШИЛКИН**

### **ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОСЕНЬ**

Дует с Балтики ветер — весёлый шалун, озорник.  
Лета бабьего пик. Благодатная, в целом, погода.  
Нарастающий гул в сердце страхом ещё не проник.  
Это осень далёкого нам 41-го года.

Фюзеляжи в крестах. В вое бомб слышен демона глас.  
Польхают склады. Старых крыш шифер бахает в небо.  
По асфальту горячей рекой карамель растеклась.  
К небесам едкий дым тянет руки горящего хлеба.

Страшный враг подступил — он коварен, жесток и хитёр.  
Окна в белых крестах и на стенах с призывом плакаты.  
Призрак голода к городу Ленина кости простёр.  
Метроном отмеряет защитникам муки блокады.

Дети тянут тележку с бедою на Невском юру.  
Страшно жить им теперь без тепла и родительской холи.  
Жутко зев свой разверзла земля в Пискаревском яру,  
В немоте ледящей застыв от бессилья и боли.

Смертью город зажат мёртвой хваткой морского узла.  
Вместо хлеба вонючий эрзац получая к обеду,  
С глада падают ниц, но встают и, не ведая зла,  
Люди истово Крест свой несут, свято веря в Победу.

*г. Салават, Башкортостан*

## **АЛЕКСЕЙ ГУШАН**

\* \* \*

В Присвирье предзимье сурово.  
Безвьюжный кончается срок.  
Стихает осеннее слово,  
Слетает последний листок.

Людское тепло выдувая  
Из полузабытых домов,  
Ветра над деревней летают  
И стонут меж чёрных стволов.

И, кажется, всё опустело,  
И жизни здесь, кажется, нет.  
Но утренним светом несмелым  
Умоет просторы, и белый  
Вдруг чей-то мелькнёт силуэт.

Живой человек?! Неужели?  
В такой бесконечной глуши,  
Где сосны, берёзы и ели,  
Есть место для этой души?!

Знать, дело какое-то держит  
Её в молчаливом краю.  
И жизнь одинокая брезжит,  
И тянется к новому дню.

Ветра и студёные вьюги,  
Молю, отложите свой срок.  
Пусть в этой пустынной округе  
Горит хоть один огонёк.

Моей захолустной отчизны,  
Прошу, не сметайте следы.  
Мне эти осевшие избы,  
Мне эти дороги нужны!

И эти родные могилы,  
И эти простые кресты...  
Деревня, дай Бог тебе силы  
Дожить до далёкой весны!

## НА ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Весенний свет, густой и золочёный,  
По всей округе разливает мёд.  
Сегодня день особенный — Прощёный,  
И оттого душа моя поёт.

Собрав с утра простое угощенье,  
Иду себе, улыбчив и открыт,  
Испрашивать у ближнего прощенья.  
— Прости меня!  
— Господь тебя простит.

И ты прости!  
— И я, и я прощаю!  
— Садись скорей. Обед уже готов.  
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,  
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуясь жизнью, как новорождённый,  
Я образ Божий в каждом узнаю.  
Как хорошо прощать и быть прощённым.  
Наверно, так же хорошо в Раю!

*пос. Малаховка  
Московской обл.*

\* \* \*

Справа речка, а слева опушка,  
А грибов-то — под каждым кустом,  
Деревянная мокнет церквушка  
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,  
И ни певчих, ни благостных лиц,  
На стенах из журнала страницы,  
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,  
Позолота нигде не блеснёт,  
И в поношенной рясе хозяин  
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает  
За страну и за завтрашний день,  
Уж не крестит, а всё отпевает  
Поколенья глухих деревень.

Всё едино — дожди, завируха,  
Эту древнюю дверь отопрёт,  
Приблудится, бывает, старуха,  
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,  
Что, теряясь, почти не дыша,  
Прослезится от близости с Богом  
Непутёвая чья-то душа.

*г. Калининград*

## ГЕОРГИЙ МЕДВЕДЕВ

\* \* \*

*Памяти Валентина Распутина*

Стою на берегу большой реки,  
Стою на берегу судьбы народной...  
Не унывай! Теки, река, теки  
В своей спокойной силе полноводной.

Звенела даль, пылала голова  
В налитых стеблей трав густом настое,  
И обретали все свои права —  
Река и лес, и поле предо мною.

И ни уйти, ни скрыться не могу:  
Мы все — одно, как рой в пчелином улье...  
Толпа берёз застыла на бегу  
На берегу палящего июля.

Я уплывал один в извивы рек,  
Я уходил в некошеное поле,  
И мне сполна была дана навек  
Моя страна, моя земля и воля.

Я взглядом обнимал твои поля,  
Твоею ширью полн, твоё печалью,  
И стены Новгородского кремля  
Незримо поднимались за плечами.

И снова я, как мальчик, убегу  
В глухую ширь, к родному пепелищу,  
И буду спать в неубранном стогу  
Иль в шалаше найду себе жилище.

И вновь взгляну на светлую зарю,  
На облаков раскинутые перья,  
И через двести лет я повторю:  
В Россию можно — то есть должно — верить.

Не бойся, Волхов, я не убегу,  
Не бойтесь, Днепр, и Дон, и Мста, и Волга!  
И я стою на вашем берегу,  
И вашей влагой песнь моя наволгла.

И берег этот я уберегу!  
На берегу стою, на берегу!

*г. Санкт-Петербург*

## АЛЕКСАНДР КЛИНДУХОВ

\* \* \*

*Геннадию Поникаровскому*

Окна с видом на Юг, на реку, занесённую снегом,  
И красивее юга любого она во сто крат!  
В полушубок укутанный, греюсь, а, слившийся с небом,  
В белоснежных лугах догорает морозный закат.

Как приятно мне всё: и снега розоватого тона,  
И излучина Юга, и дом этот крепкий, простой,  
И селенье, и церковь внизу... и хозяйева дома,  
Что пустили меня в этот вечер к себе на постой.

*г. Киров*

## ГЕННАДИЙ МАЛЕЕВ

### АНТИКИЛЛЕР

Я тебя, олигарх, не убил, потому что  
было весело вам, но и нам ведь не скучно:

о картошке забота была и о луке,  
надо было семью приготовить к разлуке.

Я тебя не убил в этот час потому,  
что пацан на пруду закричал: “Потону!”.

В час другой потому я тебя не убил,  
что живейшей душе на лекарства “бомбил”.

То спешил я туда, то стремился сюда...  
А убить, мне казалось,  
успею всегда.

Чтоб тебя, олигарх, среди прочих найти,  
сколько ж славных убийц встретил я на пути!

Не умевших стрелять, отравлять и душить,  
но умевших друг друга любить от души!

Я тебя не убил и уже не убью —  
потому, что ты — брат шакалью, воронью,

потому что дрожишь за навар, за товар,  
и тебя охраняет дрожащая тварь.

И за то, что, бросая страну на распил,  
ты меня — вот такого — во мне не убил.

*г. Тула*

## ОЛЬГА ВОСКРЕСЕНСКАЯ

### РУССКАЯ ПЕСНЯ

“Что ж ты, сударь мой...”  
Вот и стало в моей горнице темно...  
Но поёт-жужжит моё веретено;  
На окне моём — лазоревый цветок,  
За окном моим — по миру сто дорог...  
Ах ты, сударь мой!  
Ах ты, сударь мой!

Где ты, милый, нынче скачешь на коне?  
И доедешь ли когда-нибудь ко мне?  
Я всё в горенке гляжу в своё окно:  
О тебе, мой милый, думаю одним...  
Где ж ты, сударь мой?  
Где ж ты, сударь мой?

Веретенце моё быстрое кружит,  
О тебе моё сердечко всё болит...  
Завтра утром в мою горницу войдут —  
В церковь Божию венчаться поведут...  
Вот как, сударь мой...  
Вот как, сударь мой...

А жених-то и корявый, и рябой!  
Не сравнится с ясным соколом — с тобой!  
И лицом, и станом, милый, ты хорош!

На всём свете тебя лучше не найдёшь...  
Ох уж, сударь мой!  
Ох уж, сударь мой!

“Аллилуйя!” будет хор церковный петь...  
Будет муж немилый ласково глядеть...  
С колоколенки весёлый будет звон...  
Поздравлять меня пойдут со всех сторон...  
Эх ты, сударь мой...  
Эх ты, сударь мой...

Ты прискачешь на ретивом на коне,  
Подбежишь ты, добрый молодец, ко мне:  
“Здравствуй, девица! Ты рученьку мне дай:  
Мы с тобой сейчас уедем в дальний край!”  
Вот он — сударь мой!  
Вот он — сударь мой!

“Видно, конь твой по пути совсем устал:  
Что ж ты, милый мой, на встречу опоздал?  
Долго в горнице сидела я одна!  
А теперь я стала мужняя жена!  
Что ж ты, сударь мой...  
Что ж ты, сударь мой...”

*г. Москва*

## ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

\* \* \*

Поживает на земле мужичок,  
Молча курит мужичок табачок.  
— Угости-ка ты меня, чудачок,  
И покурим мы с тобой, землячок.

Начинает разговор он “про жизнь”:  
— Подхалимов и лжецов берегись,  
С богатеющим ворьём не вяжись,  
А за совесть и народ свой держись.

И спросил я у него: — Где народ?  
Тот, что водку на последние пьёт?  
Что не ведает, куда он идёт,  
И не думает, зачем он живёт?

Встрепенулся мужичок: — Как ты скор!  
Можно много нам поставить в укор,  
Но за поясом мы носим топор,  
И на этом прекратим разговор...

Озадачил ты меня, мужичок,  
Очень крепкий у тебя табачок.

*г. Никольск  
Вологодской обл.*

# ЛАДА ПОСТОЕВА

\* \* \*

О, странный, горьковатый вкус беды!  
Его не ждёшь, но остро ощущаешь,  
Как тон чужого голоса, как стук  
Входных дверей в незапертой прихожей  
(Вот так сквозит враждебное пространство,  
Где гаснет звук и холодно шагам),  
Как плеск воды прорвавшейся трубы,  
Предательски залившей пианино,  
Да скрежет старой мебели, что спешно  
Пришлось отодвигать. И запах пыли.  
Он проникает в лёгкие и в мозг —  
И раздирает душу вместе с мыслью,  
Что с этого внезапного мгновенья  
Наш мир не будет прежним никогда!

Я помню горьковатый вкус беды:  
Как провожали бабушку Марию,  
И ждали в дом священника, волнуясь,  
И сдвинули кровать, освобождая  
Пространство для обряда и молитв.  
А дверь в подъезд опять была открыта,  
И дул сквозняк, и гости суетились,  
И точно так же в воздухе носились  
Пылинки с потревоженных вещей.  
И время истекало, словно жидкость  
Из лопнувшей трубы, куда-то в вечность...  
А бабушки певучая душа  
Умолкла, точно треснувшая дека  
Большого пианино у стены...

О, запах разрушения и хаос!  
О, странно-горьковатый вкус беды...  
Сквозящее, оглохшее пространство,  
Где гаснет звук и холодно шагам...  
И лишь часы отчётливо чеканят  
(Отсчитывая время безучастно),  
Что этот мир уже не будет прежним,  
Что мир не будет прежним никогда...

*г. Москва*

## ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ

### СТАРИК СМОТРЕЛ СОВЕТСКОЕ КИНО

Старик смотрел советское кино.  
И убегала линия сюжета  
В его весну, в наивные рассветы.  
Он видел: колосилось рожью лето,  
Казалось бы — ушедшее давно...



И лентой мчались годы перед ним  
Далёкие... И сполохи сирени,  
Друзей, подружек дорогие тени  
Вернули те заветные мгновенья —  
Прозрачных майских парков вешний дым!

Та девушка... И не её вина,  
Что с ним была стеснительно сурова,  
Что не успел сказать святое слово.  
Настанет день — она приснится снова...  
Но их любовь похитила война.

И видится ему который год:  
Закрыт дождями перелесок дальний.  
В окне встаёт понуро день печальный.  
Над Родиной его многострадальной  
Седой туман из-за морей плывёт.

И пусть хапугам нынешним смешно:  
“Всего-то и делов — медаль “За Прагу”!  
Он целым миром понят и оправдан.  
Он знает эту горькую отраду:  
Смотреть почти забытое кино.

## РУССКИЙ КРЕСТ

Вдали от струящихся рек, перелесиц  
Нашёл себе русский последний приют:  
Над каждой могилой вокруг — полумесяц,  
И душною ночью цикады поют.

Здесь птица незна́мая крикнет спросонок,  
Как будто душа кому знак подаёт.  
Здесь русский наш крест — невесом он и тонок —  
Свечой восковой у ограды встаёт.

Под белым крылом у холодной метели,  
От русского отчего дома вдали,  
У старой немецкой заснеженной ели  
Меж серых надгробий кресты проросли.

Лишь травы чужие склоняются низко.  
Здесь друг не положит на холмик цветка.  
Ушедшей душе — что́ кресты, обелиски, —  
Ей даже полынь — да и та не горька!

*г. Коломна*

## ЕКАТЕРИНА КОРНЕЕНКОВА

### ШАРФ

Она не любила метро,  
Она обожала трамваи.  
Она говорила не то,  
Чего от неё ожидали.

Ходила в коротком плаще,  
Не длила ненужные споры,  
И шарф не носила вообще —  
Боялась судьбы Айседоры.

Он был, как Есенин, курчав  
И не был обижен талантом.  
Так вышло, что шёлковый шарф  
Он ей повязал элегантно.

Края собирая узлом,  
Случайно притронулся к коже.  
В тот миг он не думал о том,  
Что узел распутать не сможет.

Завязанный им узелок  
У маленькой ямки под шеей  
Красиво и правильно лёг  
И стал от тоски панацеей.

## НЕ МОЛИТВА

Откуда злоба такая, Боже?  
Стремясь к мечте, лезу вон из кожи,  
Но кто-то снова вонзает ножик  
Мне под лопатку.

Откуда злоба такая, Боже?  
Она подобна тяжёлой ноше.  
Ну почему моя жизнь похожа  
Опять на схватку?

Не ропот это, а крик души мой!  
Да, не была я непогрешимой!  
Но ты меня отогрей и вымой:  
Я — твоё чадо!

В ответ — молчанье, и небо серо...  
Но от палаты психдиспансера  
Оберегает пока что вера...  
В людей, что рядом!

*г. Москва*

## ЕКАТЕРИНА ГРАЧЁВА

\* \* \*

Мне хочется в твоё тепло закутаться  
И никогда не вылезать на свет,  
Мне хочется в душе твоей запутаться,  
Сплестись корнями в сотню зим и лет,  
И раствориться в воздухе порывами,  
И расплескаться в глубине ночной,  
Врасти друг в другу душами и спинами,  
И неразлучно быть всегда с тобой...

Томись, душа, томление оправдано,  
Молись, душа, и пой свою свирель,  
Да сколько времени у нас украдено,  
Достаточно, мне на слово поверь!

Давай немедленно друг в друге спрячемся,  
Чтоб ни секунды больше не терять,  
Укроемся друг другом, обозначимся  
И будем, как молитву, повторять:

“Спаси и сохрани тебя, любимая,  
Спаси и сохрани, любимый мой”,  
Чтоб навсегда и душами, и спинами  
Мы в этой осени срослись с тобой!

\* \* \*

Бело-жёлтые отблески лунности летней,  
Словно розовым кремом закаты покрыты,  
И рассветы закатов намного заметней,  
И от солнца лучи в синем небе размыты!

Соловьиная трель непрерывна ночами,  
Звёзды дремлют, но где же мой сон вожделенный?  
Жадно впившись в небесное лоно очами,  
Я сижу, размышляю о тайнах вселенной!

Наша лодка плывёт по извилистым склонам,  
То в течение впадая, то медленным ходом,  
То, что было оранжевым, стало зелёным  
И покроется белым почти мимоходом...

Но ведь каждый живёт, чтоб увидеть и ахнуть,  
Красота невозможная, слов не хватает,  
И так хочется всё это цапнуть и хапнуть,  
В подсознание своёю красотой собирая!

Вот и замерла лодка, вдали под луною,  
Вся покрытая будто алмазным свеченьем,  
На воде проступает дорога с луною,  
Словно в сказке волшебной, как будто виденье!

Но ведь трель соловья, как и листья в зелёном,  
Как и дни, что порой превращаются в ночи —  
Всё конечно, и только, кто очень влюблённый,  
Продолжение видеть в законченном хочет...